

УДК 347.7 (06)

ББК Х 623я43

О 95

О 95 **Очерки по торговому праву : сборник научных трудов**
/ Под ред. Е.А. Крашенинникова ; Яросл. гос. ун-т. —
Ярославль: ЯрГУ, 2008. — Вып. 15. — 92 с.

Редакционная коллегия:

канд. юрид. наук Е.А. Крашенинников (отв. редактор),
канд. юрид. наук В.В. Бутнев (зам. отв. редактора),
доктор юрид. наук В.Ф. Попондопуло,
канд. юрид. наук Н.Н. Тарусина,
канд. юрид. наук В.В. Грачёв (отв. секретарь)

© Ярославский
государственный
университет, 2008

ПОСВЯЩАЕТСЯ

памяти О. С. Иоффе

(1920 – 2005)

A.O. Рыболов

Абсолютность и относительность субъективных прав и правоотношений в работах О.С. Иоффе

Основная идея настоящей статьи состоит в том, чтобы напомнить очевидное, но постоянно забываемое обстоятельство: у терминов «правоотношение» и «субъективное право» нет некоего «истинного», единственно верного значения. Поэтому при их использовании всегда необходимо оговаривать, что именно имеется в виду. Доказывать при этом, что верно только такое-то значение, есть логическая ошибка.

Относительно этих терминов вполне применимо сказанное А. Тарским о понятии истины: «Складывается впечатление, что в большинстве случаев это слово имеет почти мистический смысл, вытекающий из веры в то, что каждое слово имеет лишь одно «подлинное» значение (вид платоновской идеи), и что все конкурирующие концепции пытаются выразить это единственное значение. Однако, поскольку они противоречат друг другу, успешной может быть лишь одна попытка, следовательно, «правильной» будет лишь одна концепция. Споры такого типа ... всегда бессмысленны и бесплодны. Единственный рациональный подход к решению таких проблем состоит в следующем: мы должны признать тот факт, что имеем дело не с одним, а с несколькими различными понятиями, которые обозначаются одним словом; мы должны попытаться сделать эти понятия как можно более ясными (посредством определения, аксиоматической процедуры или как-то иначе); во избежание дальнейшей путаницы мы должны договориться использовать для различных понятий разные слова; а затем мы можем перейти к спокойному и систематическому изучению всех этих понятий, изучению, которое раскроет их основные свойства и взаимные отношения»¹.

¹ Tarski A. The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research, 1944. V. 4. № 3. P. 341.

Необходимо четко различать суждения, которые являются либо истинными, либо ложными, и определения понятий, которые не могут быть ни истинными, ни ложными, а лишь общепринятыми или нет. Постоянное смешение этих категорий является серьезной проблемой методологии современной теории гражданского права и приводит к нескончаемым диспутам о понятии и классификации правоотношений.

Категории субъективного права и правоотношения есть только договоренность правоведов именовать некоторые сущности соответствующими терминами. Никаких оснований (легальных, эмпирических и т.д.) для построения истинного с точки зрения логики умозаключения о том, что правоотношение есть А, а субъективное право есть Б, у нас нет.

Можно провести следующую параллель. Чтобы решить, относится ли какая-то конкретная звезда к «белым карликам» или нет, нам необходимо помнить о том, что мы когда-то решили называть белыми карликами. Если звезда соответствует параметрам, по которым мы решили относить звезды к этой категории, то она в эту категорию и попадет. Но рассуждать, правильно ли мы назвали белыми карликами звезды с такими-то параметрами, а не с другими, вряд ли кому-либо придет в голову.

О.С. Иоффе в свое время упрекнул буржуазную науку в том, что она не выработала ни определения субъективного права, ни определения правоотношения: «Буржуазная правовая наука, подхавившая с различными критериями к оценке одних и тех же юридических категорий на различных этапах развития капитализма, не выработала, да и не могла выработать единого понятия субъективного права и правовой обязанности»². Однако не преуспела в этом и советская цивилистика. Категории как правоотношения, так и субъективного права и доселе не имеют ни легального, ни общепризнанного конвенционального определения. Продолжается, например, дискуссия о том, существует ли абсолютное право в правоотношении или вне его³; нет согласия по вопросу о том, как

² Иоффе О.С. Гражданское право. Избранные труды. М., 2000. С. 508.

³ Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М., 1961. С. 34 и след.; Флейшиц Е.А. «Абсолютная» природа права собственности // Проблемы гражданского и административного права. Л., 1962. С. 226 и

соотносятся категории субъективного права и правоотношения.

В таких терминологических джунглях необходимо с предельной осторожностью оперировать понятиями как субъективного права, так и правоотношения. На мой взгляд, все учение О.С. Иоффе об абсолютных или относительных правах может быть подвергнуто самой серьезной критике как раз с методологической точки зрения.

Определенные сомнения могут возникнуть уже при ознакомлении с используемым О.С. Иоффе понятием субъективного права. В этом вопросе он занимает традиционную позицию, определяя искомое понятие как обеспеченную правом возможность реализации интереса. «Если управомоченному предоставляется субъективное право, обеспечивающее определенное поведение обязанных лиц и обуславливающее тем самым возможность совершения его собственных действий, – пишет О.С. Иоффе, – то благодаря этому создаются необходимые правовые предпосылки для удовлетворения известных интересов управомоченного»⁴. Сам интерес О.С. Иоффе относил к содержанию субъективного права: «содержание субъективного права сводится не только к обеспечению определенного поведения обязанных лиц и возможности совершения известных действий управомоченным, но и к интересу, удовлетворение которого обусловливается его осуществлением»⁵.

При этом О.С. Иоффе полагал, что субъективное право существует лишь постольку, поскольку существует корреспондирующая ему обязанность. «Реальность субъективного права, – утверждает автор, – выражается прежде всего в том, что ему соответствует обязанность, возлагаемая на других, противостоящих управомоченному лицу»⁶. Таким образом, О.С. Иоффе под субъективным правом понимал лишь такую обеспеченную правом возможность реализации интереса, которая конституируется коррелирующей ей обязанностью.

Между тем такой подход вовсе не является общепринятым, так как выводит из числа субъективных прав, например, так называе-

след.; Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. СПб., 2002. С. 210 и след.; Рыболов А.О. Абсолютные права и правоотношения // Правоведение. 2006. № 1.

⁴ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 560.

⁵ Там же. С. 556.

⁶ Там же. С. 561 – 562.

мые потестативные права. Последние традиционно определяются как полномочия, содержанием которых является возможность установить, изменить или прекратить правоотношение между титуляром и другим лицом⁷. А. Tuhr отмечал, что обладатель потестативного права ничего не требует от обязанного лица, но достигает нужного результата своим собственным поведением⁸. Перед этой властью управомоченного лица остальные находятся в положении простого подчинения, не являясь обязанными к исполнению какой-либо обязанности в пользу первого, но будучи обязаны претерпевать произведенный титуляром юридический эффект, которого нельзя избежать; их собственное поведение юридически иррелевантно. От адресата не требуется какое-либо содействие; он находится в положении простой подчиненности: « passivo субъект претерпевает осуществление права (в случае потестативного права – преобразование собственной правовой сферы) не только не предоставляетя какого-либо сотрудничества, но и не имея возможности противостоять его осуществлению и препятствовать его эффекту»⁹. Поэтому М.А. Гурвич в 1965 г. утверждал: «Хотя господствующее у нас учение о правоотношении... все еще в основном придерживается взгляда на сущность правоотношения как на совокупность права и корреспондирующей ему обязанности..., все же в советской литературе ... в настоящее время имеется достаточно материала, позволяющего утверждать, что значительная и, как нам представляется, все увеличивающаяся группа ученых приходит к убеждению в существовании указанного выше вида правоотношений (субъективных прав на одностороннее волеизъявление с соответствующей им связанностью других лиц)»¹⁰.

Таким образом, вводимое О.С. Иоффе понимание субъективного права выводит за рамки этого понятия потестативные права.

⁷ Mayo J. A. Los derechos potestativos // La Ley. Buenos Aires. 12.10.2006. Messina G. Novissimo Digesto Italiano. Unione Tipografico-Editrice Torinese. T. V. P. 737.

⁸ Tuhr A. Tratado de las Obligaciones. Granada. Editorial Comares, S.L. 2007. P. 7.

⁹ Rescigno P. Manuale del diritto privato italiano. 7^a ed. Ristampa con appendice di aggiornamento. Napoli, 1987. P. 61 – 62.

¹⁰ Гурвич М.А. Избранные труды. Краснодар, 2006. Т. 2. С. 19 и след.

Хотя с таким подходом можно в целом согласиться¹¹, он нуждается в серьезном обосновании, поскольку многие ученые полагают правильным как раз обратное. О.С. Иоффе вводит свое понятие субъективного права как «истинное», не приводя доказательств такой истинности (потому, что это невозможно); более того, он не делает и оговорки вроде: «под субъективным правом я буду понимать...».

Подход, в соответствии с которым не существует права без обязанности, с неизбежностью приводит О.С. Иоффе к отождествлению категорий субъективного права и правоотношения. «Гражданское субъективное право в единстве с соответствующей ему гражданско-правовой обязанностью и составляют содержание гражданского правоотношения»¹². Если под правоотношением понимать связь субъективного права и обязанности, то атрибуты такого правоотношения будут во многом совпадать с теми, которые обычно приписываются субъективному праву. Такой «перехлест» понятий отмечался еще в дореволюционной литературе. Так, Г.Ф. Шершеневич утверждал, что «без субъективного права нет юридического отношения, и эта неразрывная связь идет так далеко, что многие... юристы рассматривают субъективное право и юридическое отношение как равнозначащие понятия»¹³. Д.Д. Гримм писал: «В юридических отношениях, возникающих между людьми, первичным фактором является субъективное право или активная сторона юридического отношения; соответствующая же праву обязанность или пассивная сторона отношения и самое отношение суть лишь производные факторы. Отсюда такое дальнейшее последствие: раз самостоятельное значение имеет только субъективное право, а не юридическое отношение в целом, то последнее незаметно сливаются с первым, поглощается им»¹⁴. На эту особенность обратила внимание Р.О. Халфина, отметившая, что «в русской дореволюционной литературе правоотношение (или, как

¹¹ См.: Рыбалов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 63.

¹² Иоффе О.С. Указ. соч. С. 570.

¹³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Теория государства и права: Хрестоматия. М., 2001. Т. 2. С. 274. См. также: Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 380.

¹⁴ Гримм Д.Д. Юридическое отношение и субъективное право // Журнал министерства юстиции. 1897. № 4. С. 3.

оно тогда называлось, юридическое отношение) рассматривалось в известном смысле как субъективное право, реализация которого обеспечивается посредством притязания к другому лицу»¹⁵.

Ту же ситуацию можно наблюдать как в советской, так и в современной российской юридической литературе. Атрибуты, приписываемые субъективному праву, описывают не только возможности управомоченного, но и противостоящие им обязанности иных лиц. Субъективное право чаще всего определяют через указание на меру собственного дозволенного поведения и на возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц¹⁶. Указание на возможность управомоченного требовать того или иного поведения от иных лиц уже означает указание на связанную с притязанием обязанность этих лиц. Можно констатировать, что всегда, когда мы характеризуем таким образом какое-либо конкретное субъективное право, мы тем самым одновременно характеризуем и соответствующую обязанность¹⁷. Н.Г. Александров говорил о том, что субъективное право и юридическая обязанность не представляют собой «обособленных слагаемых, образующих в сумме правоотношение». Поскольку субъективное право неотделимо от корреспондирующей ему обязанности, а субъективная обязанность бессмыслена без соответствующего ей субъективного права, то субъективное право или соответствующая ему субъективная обязанность всегда выражает одно и то же правоотношение¹⁸.

Таким образом, обычное в юридической среде употребление термина «субъективное право» таково, что подразумевает и указание на обязанную сторону. При этом абсолютность или относительность субъективного права определяется по субъектному составу обязанной стороны, т.е. по характеристикам корреспондирующей праву субъективной обязанности. Р.О. Халфина отмечала

¹⁵ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 12.

¹⁶ «Возможность требования, обращенного к обязанным лицам, составляет сущностный признак любого субъективного права» (Егоров Н.Д. О понятии субъективного права // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву. Л., 1983. С. 8).

¹⁷ Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение. М., 1947. С. 20.

¹⁸ Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 114.

ла, что в литературе характеристика абсолютности или относительности «применяется как к субъективному праву – элементу правоотношения, так и к характеристике правоотношения в целом»¹⁹. Между тем абсолютность или относительность всегда является характеристикой связки «право-обязанность». Говорить об абсолютном праве можно лишь тогда, когда правоотношение и субъективное право воспринимаются как разные названия (или грани) одного и того же явления. А.Н. Латыев также отметил это обстоятельство: «С точки зрения общей теории права выражение «абсолютное правоотношение» является, возможно, более корректным, чем «абсолютное право», ведь его отличительная особенность характеризует не столько право, сколько корреспондирующую ему обязанность»²⁰.

Именно такой подход мы встречаем и в работах О.С. Иоффе: «пра в а признаются относительными или абсолютными в зависимости от того, возлагается ли обязанность по их соблюдению на определенных субъектов или на неопределенную группу лиц (разр. моя. – A.P.)»²¹; право собственности признается О.С. Иоффе абсолютным, потому что «собственнику как управомоченному в качестве обязанных противостоят все лица, подчиненные данному правопорядку; на всех этих лиц возлагается пассивная функция – функция воздержания от действий, препятствующих удовлетворению юридически охраняемых интересов собственника»²². Абсолютность или относительность субъективного права, таким образом, определяется О.С. Иоффе через характеристику противостоящей ему обязанности. А коль скоро «гражданское субъективное право в единстве с соответствующей ему гражданско-правовой обязанностью и составляют содержание гражданского правоотношения»²³, относительность и абсолютность прав и правоотношений должны совпадать²⁴.

¹⁹ Халфина Р.О. Указ. соч. С. 245.

²⁰ Латыев А.Н. К вопросу об абсолютности вещных прав // Цивилистические исследования. М., 2005. Вып. 2. С. 432.

²¹ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 605.

²² Там же. С. 613 – 614.

²³ Там же. С. 569 – 570.

²⁴ Отметим, что качества абсолютности/относительности могут быть применены лишь к такой модели субъективного права, которая основана

Итак, до этого момента подход О.С. Иоффе к абсолютности или относительности субъективных прав (и правоотношений) вполне традиционен. Подчеркнем еще раз, что такая трактовка описываемых категорий носит характер утверждений, с которыми необходимо согласиться, чтобы «говорить на одном языке». Она не может оцениваться как истинная или ложная; это просто введение терминов.

Первая странность происходит незаметно. Говоря о праве застройки, О.С. Иоффе подчеркивает, что «это правоотношение носит двусторонний характер: оба его субъекта – и застройщик, и собственник – выступают в нем одновременно и в качестве носителей прав, и в качестве носителей обязанностей»²⁵. Именно здесь происходит своего рода «логический скачок». Ранее утверждалось, что правоотношение есть субъективное право и корреспондирующая ему обязанность. В таком случае классификация субъективных прав и правоотношений на абсолютные и относительные совпадала. Однако вдруг без всякого предварительного обсуждения оказывается, что система прав и обязанностей, возникающих из одного договора (например, купли-продажи), – тоже правоотношение. Однако это не следует из предыдущих аксиом О.С. Иоффе (правоотношение есть субъективное право + обязанность). В отношениях по купле-продаже налицо как минимум две связи «субъективное право + обязанность». Но если правоотношение есть связка права и обязанности, то там, где есть два права и две обязанности, согласно известному правилу Оккама мы просто должны сначала предположить, что имеем и два правоотношения. Введение же предлагаемого О.С. Иоффе по сути нового (по отношению к ранее употреблявшемуся им же) понятия правоотношения должно как-то обосновываться, а не преподноситься как само собой разумеющееся.

Рассмотрим пример с возмездным сервитутом. С точки зрения О.С. Иоффе, это – единое правоотношение, и, поскольку праву сервитуария противостоит право собственника служащей недви-

на корреляции права и обязанности. К потестативному праву эти категории не применимы (см.: Рыболов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 63).

²⁵ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 614.

жимости на внесение оплаты, трудно говорить об абсолютности такого правоотношения. Но ведь это не единственная возможная модель правоотношения! Можно говорить о том, что из договора об установлении сервитута возникают два правоотношения: абсолютное и относительное – право пользования чужой недвижимостью и право требовать оплаты. М.М. Агарков писал по поводу схожих случаев: «Различие абсолютных и относительных правоотношений является различием именно правоотношений, а не институтов. В пределах одного и того же института могут быть правоотношения как абсолютные, так и относительные. Так, например, институт имущественного найма охватывает как вещные правомочия (право арендатора на пользование арендованной вещью), так и чисто обязательственные (право наймодателя на арендную плату). Аналогичный пример можно привести из области права застройки. Право застройщика на пользование участком под строением и его право на строение являются вещными. Право местного совета требовать от застройщика возведения строения к определенному сроку является обязательственным правом»²⁶.

Таким образом, М.М. Агарков видел в подобных ситуациях именно два правоотношения с разным субъектным составом. Чем такая модель хуже предлагаемой О.С. Иоффе? По крайней мере, она вписывается в традиционную дихотомию абсолютные/относительные правоотношения, не требует пересмотра устоявшейся цивилистической систематики, отнесения права застройки, узуфрукта и т.п. к относительным правам. Модель же О.С. Иоффе действительно вынуждает признать, что отношения сторон в таком «сложном» правоотношении скорее относительные.

Возникновение прав и обязанностей из одного договора, разумеется, можно считать неким критерием для именования их совокупности правоотношением. Но почему отвергается другой подход – о возникновении из договора ряда правоотношений? Почему из использования произвольно принятого определения правоотношения делается вывод о несостоятельности устоявшегося деления правоотношений на абсолютные и относительные, основанного на

²⁶ А гарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. 1. С. 211.

другом понимании правоотношения? Для этого необходимо как минимум доказать, что иное понимание правоотношения, которое укладывается в эту традиционную систематику, неверно. Однако это невозможно по той простой причине, что нет «истинного» определения правоотношения.

Другой аспект. Можно ли рассматривать в качестве субъективного права правовое положение одной из сторон синаллагматического договора? Иными словами, сколько взаимообусловленных субъективных прав возникает из такого договора? Например, из договора аренды или из договора о предоставлении земельного участка под застройку? Два или больше? И здесь нельзя дать «единственно верный» ответ. Но какие варианты возможны в принципе? Рассмотрим так называемое правоотношение застройки. О.С. Иоффе полагает, что здесь есть лишь два взаимообусловленных субъективных права: право застройщика и право собственника земельного участка.

Вспомним про то, что субъективное право есть возможность реализации интереса. Но именно способ удовлетворения этого интереса – собственными действиями или посредством действий других лиц – служит водоразделом абсолютных и относительных прав²⁷. В первом случае, если лицо в силах само получить требуемое, и право считает такой способ подлежащим защите, от права не требуется обязывать кого-либо к совершению действий в помощь заинтересованному. Однако если иное лицо попытается самостоятельно удовлетворить свой интерес с помощью того же объекта, интерес первого лица будет нарушен. Поэтому интерес, способный быть реализованным самим заинтересованным лицом, защищается (т.е. конституируется в субъективное право) путем запрета всем остальным пользоваться тем же благом: «в том случае, когда интерес упрашиваемого может быть удовлетворен его собственными действиями, должное поведение обязанных лиц сводится к воздержанию от действий, препятствующих осуществлению субъективного права»²⁸. В другом же случае право защищает

²⁷ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. М., 2003. С. 439.

²⁸ Советское гражданское право / Под ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого и Б.Б. Черепахина. Л., 1971. Т. 1. С. 56 (автор главы – А.К. Юрченко). Абсолютное право «лицо осуществляет без чьего-либо содействия; в этом случае нет надобности для извлечения экономических выгод

интерес путем не запретительных, а обязывающих норм: «Права по обязательствам, основанные не на настоящем, а на возможности будущего пользования, защищаются не запрещениями, как вещные права, но приказами, действующими не против всех, а только против лиц, обязанных доставить то или иное пользование: одни эти лица могут удовлетворить или не удовлетворить интерес, составляющему цель приказа»²⁹. Итак, абсолютность права обусловлена не кругом обязаных субъектов (это следствие), а типом лежащего в его основе интереса.

Если с этих позиций посмотреть на отношения сторон договора застройки или аренды, то мы увидим, что и арендатор, и застройщик по общему правилу при заключении договора получают лишь обязательственное право требовать предоставления вещи. Интерес в таком предоставлении может быть удовлетворен лишь действиями должника – собственника вещи. Но после предоставления вещи и арендатор, и застройщик получают защищаемое правом владение, реализуемое ими собственными силами. Назвать подобное владение обязательственным не мог даже О.С. Иоффе, который, рассматривая аренду «в целом» как обязательство, тем не менее писал: «...Сданное в наем имущество поступает во владение нанимателя, а владение – такое правомочие, которое может быть нарушено любым и каждым, осуществляет ли его собственник или договорный контрагент... При этом, пока сохраняется договор найма, принадлежащее нанимателю право владения защищается не только против третьих лиц, но и против самого собственника... Выходит, таким образом, что договорное (относительное) правоотношение по имущественному найму в той мере, в какой оно связано с передачей имущества во владение другого лица, порождает и определенные абсолютно-правовые последствия. Они проявляются не только в защите прав нанимателя от любого нарушителя, но и в том, что в случае перехода права собственности на наемное имущество к любому другому лицу договор найма в пределах срока своего действия сохраняет силу и для нового собственника...»³⁰.

... обращаться к кому-либо обязанному доставить эти выгоды носителю права» (Годзьем Е. Общая теория обязательств. М., 1948. С. 10).

²⁹ Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 440.

³⁰ Иоффе О.С. Избранные труды. СПб., 2004. Т. 3. С. 324.

То же происходит и с правом застройщика. Содержание прав и обязанностей сторон договора о предоставлении участка под застройку меняется, когда собственник земельного участка передает этот участок застройщику. С этого момента, по признанию самого О.С. Иоффе, «перед застройщиком так же, как и перед собственником, в качестве пассивно обязанных выступают все другие лица, поскольку ... право застройки защищается против всякого нарушителя, в том числе и против самого собственника»³¹. После передачи участка у застройщика появляется новый интерес -- в не-прикосновенности владения этим участком. Этот интерес требует «закрепления» при помощи субъективного права, причем он может быть нарушен «любым и каждым». И если теперь, после передачи участка, перед застройщиком «в качестве пассивно обязанных выступают все другие лица», то не должно ли это навести на мысль, что отношения, возникшие после передачи участка, можно описать при помощи модели абсолютного правоотношения?

Но ведь при этом, пишет О.С. Иоффе, существуют и «осо-бые» отношения с собственником. Безусловно, это так. Но они могут быть описаны иначе. И застройщик, и арендатор могут продолжать оставаться кредиторами собственника вещи в обязательстве, возникшем из того же договора, из которого у них возникло абсолютное право (например, арендатор может требовать от арендодателя производить ремонт вещи). Собственник вещи остается кредитором в обязательстве по выплате вознаграждения за пользование вещью. Весь этот «букет» правоотношений может существовать одновременно. При такой модели описания возникшей ситуации никаких изменений в существующую классификацию субъективных прав вносить не придется.

Итак, в условиях, когда нет легального или просто всеми признанного определения категорий как субъективного права, так и правоотношения, необходимо с крайней методологической осторожностью подходить к любым классификациям этих понятий. Ведь для того чтобы оспаривать правильность той же самой классификации, необходимо быть уверенным в том, что спор с оппонентами ведется о классификации тех же самых понятий. Если же

³¹ Иоффе О.С. Гражданское право. Избранные труды. С. 614.

не придавать этому внимания, может случиться то же, что и в рассмотренном случае: О.С. Иоффе спорил с классификацией, основанной на одной модели прав и правоотношений, приводя примеры на основании совсем другой модели. Однако очевидно, что если одно из пониманий субъективного права и правоотношения укладывается в некую систематику, ее нельзя опровергать при помощи других моделей.

Содержание

Е.А. Крашенинников	
Сделки, нуждающиеся в согласии	5
В.Б. Чуваков	
К теории ничтожных сделок.....	19
Ю.В. Байгушева	
Передоверие	32
В.В. Байбак	
К вопросу о соотношении договорной и деликтной ответственности	49
Е.А. Крашенинников	
Фактический состав возникновения обязательства из неосновательного обогащения	58
В.В. Грачёв	
Вексельная правоспособность.....	64
А.О. Рыбалов	
Абсолютность и относительность субъективных прав и правоотношений в работах О.С. Иоффе.....	78